

Из пуговицы на воротнике Ворона вырос цветок и приблизился к его уху.

Сердцевина цветка издавала шум, и дети в конференц-зале наперебой рассказывали ему, как «сестра Две тысячи превратилась в искру».

Остатки искры в «перчатке вора» действительно оказались частью неполного пути, принадлежащей ученику первого уровня, направление – мастер.

Ворон не удивился – это был всего лишь небольшой эксперимент, подтвердивший его догадку.

– Стоп, малыши, у меня тут эхо, я не могу разобрать, когда вы говорите все вместе, – он прервал трёх «говорящих», – Две тысячи, можешь сама мне рассказать?

Две тысячи была в полном замешательстве, потому что Моли и Листер сказали ей, что при пробуждении искры человек ощущает, как будто его тело перестраивается, мир, который раньше казался матовым, внезапно становится чётким, как будто младенец инстинктивно умеет сосать, и базовые способности искры автоматически появляются в голове.

Но она ничего такого не чувствовала... нет, кое-что всё же было.

Она уже собиралась заговорить, как вдруг Габриэль протянул руку и сорвал «цветок» перед её лицом.

За спиной Две тысячи пробежал холодок, слово «я» застряло у неё в горле, и она полностью замерла.

Раньше Две тысячи не особо боялась Габриэля. Она, в отличие от других, не знала о его «подвигах», а яркие цвета его одежды мешали ей ассоциировать его с «производителем» из её воспоминаний.

Две тысячи была «цветком на стене», который рос вокруг других существ, а Габриэль, в каком-то смысле, тоже был «цветком на стене» – раньше он был «ангелом», а ангелы не заботятся о человеческих отношениях, они лишь холодно наблюдают. Существа, которые не интересовали его и не приходили к нему с молитвами, были для него как мох во дворе.

Хотя они жили в одном маленьком пространстве «Пряток» и были соседями, две «стенные розы» почти не пересекались. Две тысячи редко чувствовала на себе взгляд Габриэля, поэтому и не боялась его.

Но сейчас искра, только что укоренившаяся в её душе, словно зажгла новый нерв, и Две тысячи, казалось, могла слабо почувствовать ауру каждого. Моли была ослепительно яркой, но холодной, как снежное поле, отражающее солнечный свет; Листер был менее заметен, как абстрактная картина, где свет и тень переплетались, создавая странное ощущение при долгом взгляде; запах тайного клана от маленького медвежонка Марка стал невероятно отчётливым... И всё же, все люди, артефакты и запрещённые предметы в этой комнате вместе взятые не могли сравниться по присутствию с Габриэлем.

Этот человек был как чёрная дыра отчаяния, и когда он приближался, у Две тысячи возникало ощущение, что даже свет не может вырваться.

Но волшебный голос «капитана» мог.

Хотя коммуникационное творение мастеров не передавало изображения, и Две тысячи издавала

лишь короткий звук, начальник станции словно оставил в конференц-зале своё «око»: – Кто-то из малышей снова отобрал микрофон? Габриэль?

Две тысячи слегка вздрогнула, пробудившись от этого голоса.

С тех пор как Ворон, напевая пастушью песню, шаг за шагом вывел её на поверхность, Две тысячи стала особенно чувствительна к его голосу. Она, как мотылёк, тянущийся к свету, в моменты растерянности инстинктивно следовала за этим голосом.

«Чёрная дыра» за её спиной внезапно исчезла.

Габриэль с любопытством моргнул: – Как ты меня назвал?

– Брат Габриэль, помоги, – грязный взрослый опустился ниже Марианской впадины. – Не пугай её, новорождённые «мастера» очень хрупкие.

В конце концов, это искра, которая погибла от обратной реакции «тени».

Габриэль замер, словно впервые попробовал «том-ям мороженое» – странное сочетание, придуманное неизвестно какими извилинами, и не мог сразу сказать, хорошо это или плохо. Странно, но хочется попробовать ещё раз.

– М-м? Повтори.

Ворон: – ...

Ладно.

– Брат Габриэль, верни творение мастеров Две тысячи.

Примерно поняв ситуацию с искрой мастера, Ворон дал Две тысячи несколько советов, научив её, как в моменты паники возвращать внимание к своим чувствам, и только затем прервал связь.

Ресурсы чёрного кристалла давно иссякли, и даже если бы они остались, Ворон сомневался, что они смогли бы пробудить искры, как пятьсот лет назад.

Когда он стоял вне реки времени и смотрел на прошлое со стороны, ему казалось, что «чёрный кристалл» и «остатки чёрного кристалла» – так называемые «камни жизни» – подобны людям и двум кланам, вампирам и тайным, как две стороны одной медали, где одна убывает, а другая прибывает.

В конце войны пятьсот лет назад чёрный кристалл ещё существовал, но новые искры у людей появлялись всё реже, и их уровень становился всё ниже, вероятно, из-за расширения популяции тёмных существ.

Многообразные искры людей того времени уже вымерли, остались только так называемые «три пути», происходящие от осколков «белого кристалла», оставшихся после смерти трёх искр особого уровня... Теперь их называют «кристаллы пламени».

Белый кристалл подобен звезде, его нельзя использовать с помощью технологий создания искусственных людей, и он не исчезает со временем.

Ещё в эпоху Ворона эксперты выдвигали предположения, что «белый кристалл» может

обладать некоторой активностью, способен поглощать энергию из окружающей среды и преобразовывать её в определённое излучение, возможно, способное, как и чёрный кристалл, пробуждать искры в окружающих людях.

Однако в то время это оставалось лишь предположением, исследования белого кристалла проводились с осторожностью, ведь он был редким, а «особые» искры при жизни были неконтролируемыми сверхопасными объектами, и никто не знал, не вызовут ли оставленные ими вещи, как и остатки чёрного кристалла, загрязнение окружающей среды.

Официальные организации провели несколько экспериментов, но все они были небольшими. Возможно, количество испытуемых было слишком мало, возможно, время контакта было недостаточным, а может, белые кристаллы того времени были целыми, и их излучение отличалось от нынешних осколков – в общем, к моменту, когда Ворон покинул тот мир, использование белого кристалла оставалось лишь на теоретическом уровне.

А спустя сотни лет люди здесь считают, что «кристаллы пламени» выбирают определённых людей.

«Священные» верят, что искры выбирают только тех, кто предан их клятвам, «мистические» уверены, что искры выбирают только прирождённых сильных.

Это полная чушь.

Ведь Ворон знает, что «священный» путь оставил тот самый главарь культа, а предок «мистического» пути – тот террорист, который собирал жизни, как чума. Что касается «неполного» пути – неудивительно, что он может достичь только второго уровня.

Мозг четвёртого номера действительно получил необратимые повреждения, и его искра белого кристалла была «неполной». Мастера и врачи никогда не смогут стать «алхимиками», которые могут делать всё, что захотят, их связь с миром стала очень слабой, и они могут извлекать что-то только через сложные ритуалы и слабый резонанс – всё это было медленно изучено и систематизировано поколениями людей, в ассоциации мастеров есть десятки тысяч книг, и те, кто идёт по этому пути, должны учиться всю жизнь, как на последнем курсе школы.

В этом есть что-то комичное – герои и воины ушли в прошлое, а величайшие преступники того времени стали надеждой человечества.

«Священный» путь, вышедший из культа, считает самосожжение и самопожертвование своей миссией, и они продолжают гибнуть, так что 80% запрещённых предметов на рынке сделаны священными искрами. Суть «безумия» изначально была в контроле, любое существо с базовой нервной системой могло стать её марионеткой, но теперь «мистический» путь закрылся и сам стал «марионеткой».

Ворон не знал, как бы отреагировали те двое предков, если бы узнали об этом.

И осколки белого кристалла – кристаллы пламени – всё же отличаются от чёрного кристалла того времени.

Чёрный кристалл пробуждал уникальные способности искры у каждого человека, а белый кристалл больше похож на наследие.

Ворон предполагает, что в какой-то момент некоторые люди вступили в «резонанс» с белым кристаллом, и это стало связью, через которую сила богов и демонов пятисотлетней давности

просочилась сквозь время.

Но «резонанс» сложно определить. Это может быть что угодно: одержимость – одержимость сотворением мира и одержимость самопожертвованием одинаковы; момент, когда разум поглощается экстазом или яростью; даже любимый цвет, предпочтение сладкого или солёного, следование определённой философии... всё это может стать «точкой резонанса». Опыт и личность «первого» и «второго» номеров были настолько сложными, что их «точки резонанса» могли быть чем угодно, что сделало «священный» и «мистический» пути совместимыми, включая людей с самыми разными характерами.

Но одно можно сказать точно: кристаллы пламени этих двух путей происходят от искр особого уровня, превосходящих этот мир, и их самоидентификация никак не может быть связана с ролью питомцев или рабов чужих кланов.

Неудивительно, что Эрик сказал, что новым искрам не нужно проходить проверку. Дело не в том, что все, кто получает наследие искры, хорошие люди, а в том, что наследники новых искр не могут быть «предателями искры».

Если предположения Ворона верны, то самый быстрый способ найти «точку резонанса» – это погрузить человека в переживания, которые испытывал хозяин белого кристалла при жизни.

Как раз архивы всех троих Ворон читал, поэтому он провёл эксперимент с «четвёртым номером», чья история была самой простой, и это сработало. Теперь в станции «Прятки» есть свой мастер.

Ворон слегка щёлкнул по чашечке цветка на своём воротнике, и коммуникационный цветок вернулся в пуговицу. Он обернулся и увидел лицо Эрика, полное нерешительности.

- Что случилось, дорогой помощник?

«Дорогой помощник» скривился, словно случайно прикусил щёку.

- Возможно, это не моё дело, но... – средневековый мужчина заколебался, – Ты знаешь, мы часто выполняем задания и все надеемся на удачу. В святилище есть множество учений о судьбе...

- У каждого есть своя предначертанная судьба, и как бы ты ни шёл, ты вернёшься к одной и той же конечной точке, верно?

Как Сизиф, катящий камень, как люди, и как два клана, идущие по их стопам.

Ворон понял, о чём он хочет сказать, с первого слова, и похлопал Эрика по плечу: – Ты хочешь сказать мне, что он пришёл из самого тёмного места и в конце концов приведёт всех, кто к нему приблизится, во тьму, верно?

Эрику стало немного неловко, он чувствовал себя так, словно сеет раздор: – А... ну, не обязательно, но есть такое мнение...

- Я знаю. – Ворон улыбнулся ему.

Габриэль в прошлом знал только страх, ложь и предательство. Конечно, он войдёт в новую среду, столкнётся с новыми вещами. Но, как бы он ни был похож на божество или демона, он всё же человек, и со временем человек начинает искать в новом мире что-то знакомое.

Возможно, это будут мелочи, которые другие не заметят, но в его душе они превратятся в семена предательства, пробуждая гнев, который он испытывал всю свою жизнь.

А затем умные люди, как Эрик, рано почувствуют предзнаменование и либо нанесут удар, либо убегут, завершая последнюю страницу сценария Габриэля и делая его воображаемое реальностью.

- Я знаю. - Ворон тихо вздохнул и больше ничего не сказал Эрику, повернувшись к звуку шагов, которые то усиливались, то ослабевали.

Пришёл человек, полностью закутанный в одежду, с жёлтой вуалью на голове.

Хотя он мог ходить, его скелет был сильно деформирован, конечности искривлены, как у звонаря из Собора Парижской Богоматери, и одним своим видом он мог напугать.

Ворон действительно на мгновение замер.

- Вы двое «мистических» господина из «Пряток»? Представители святилища, ковчега и ассоциации врачей уже здесь, - заговорила она, и из-под вуали раздался мягкий женский голос. Она сначала кивнула Эрику: - Старейшина Хони ждёт вас внутри.

Затем она повернулась к Ворону и, рассмотрев его, сказала: - Вы, должно быть, начальник станции «Прятки». Вы намного моложе, чем я представляла. Надеюсь, мой вид не напугал вас - я Марта, привратница «Чёрной долины».

Впервые Ворон услышал о «Чёрной долине» на станции Ло, когда старейшина Хони, тогда ещё капитан, приговорила группу людей, убивших предыдущего начальника станции, к отправке в «Чёрную долину». В то время Ворон думал, что это что-то вроде трудового лагеря, но, получив «знания» предыдущего хозяина «Пряток», он понял, что его воображение было слишком скромным.

Добраться до окраин Чёрной долины можно только на специальном транспорте, созданном мастерами. Это место находится в глубине первобытного леса, где никогда не видно солнца. Бескрайний лес наполнен криками неизвестных животных, похожими на плач горных духов. Уже поздно, и в лесу поднимается туман, видимость всего два-три метра, а в траве у дороги иногда слышится шорох - то ли змеи, то ли ядовитые насекомые.

Незнакомец, идущий без проводника, быстро будет поглощён этим лесом.

Как и все станционные города, Чёрная долина построена на основе творений мастеров. Но здесь творения мастеров созданы не для комфорта и безопасности, у них две основные функции: первая - гарантировать, что те, кто сюда попал, никогда не сбегут; вторая - очищать вредные материалы.

Чёрная долина похожа на желудок, который постоянно переваривает людей и различные материалы.

Если искра-преступник попадает сюда, его сила искры становится частью Чёрной долины. Чем сильнее искра, тем сильнее становится Чёрная долина. Неважно, третьего он уровня или четвёртого, человеку всегда сложно победить самого себя - а искра-заключённый, попав в Чёрную долину, быстро будет казнён особым способом, и остатки его искры будут извлечены.

Обычные заключённые день за днём выполняют здесь тяжёлую работу.

Творения мастеров требуют большого количества материалов из тел вампиров и представителей тайных кланов, и эти материалы часто ядовиты для людей. Закрытая Чёрная долина – это место, где токсины оседают.

Официальные творения мастеров запрещают использовать человеческие материалы в качестве «нейтрализаторов», поэтому созданные вещи в той или иной степени вредны для людей, не говоря уже о таком монстре, как Чёрная долина. Немногие заключённые доживают до двух лет, их разум и тело быстро изменяются.

И здесь есть не только заключённые, но и «привратники», которые управляют ими.

Привратники Чёрной долины день за днём находятся в токсичной среде среди безумных и отчаявшихся заключённых, и даже при наличии лекарств и инструментов от ассоциации врачей, они всё равно подвергаются воздействию.

«Привратники» набираются по обязательной квоте из разных мест и организаций, как военная служба.

Ворон очнулся: – Нет, миссис, вы увешаны медалями – я просто не ожидал, что такие незаметные люди, как мы, удостоятся вашего личного внимания.

Марта, держа в руке покачивающийся фонарь, вела их внутрь и улыбалась: – Вы направление «блаженства», милый юный господин?

Только «блаженные» могут быть такими сладкоголосыми.

– Нет, я, пожалуй, «страх», – спокойно ответил Ворон. – Надзиратель.

Эрик наступил на камень и с удивлением поднял голову.

Марта, стоявшая к ним спиной, резко остановилась.

<http://bllate.org/book/14692/1312922>